

6. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2 [Текст]. – СПб. : Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – 447 с.

7. Сохор, А. Н. Социология и музыкальная культура [Текст] / А. Н. Сохор. – М. : Сов. композитор, 1975. – 202 с.

8. Фохт-Бабушкин, Ю. У. Искусство в жизни людей (Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и методология) [Текст] / Ю. У. Фохт-Бабушкин. – СПб. : Алетейя, 2001. – 556 с.

9. Художественная культура и искусство [Текст] : методол. пробл. : сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова ; сост. В. М. Дианова. – Л. : ЛГИТМИК, 1987. – 158

10. Цукерман, В. С. Из работ прошлых лет [Текст] : сб. ст. / В. С. Цукерман. – Челябинск, 2007. – 181 с. – (Академия культуры и искусств: из творческого наследия).

УДК 130.12

Владимир Карлович Кантор

Государственный Университет – Высшая Школа Экономики (Москва)

МАГИЧЕСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ: «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ» БРЮСОВА В КОНТЕКСТЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Статья посвящена философской проблематике романа «Огненный ангел» в контексте культурно-исторической ситуации Серебряного века. Автор показывает действие законов духовности, переплетение антагонистических начал в романе символиста Брюсова.

Ключевые слова: Брюсов, Серебряный век, вечная женственность, софийность, Ewig weibliche.

В русской мысли завершил XIX век и открыл XX – Вл. Соловьев. Интуиция софийности как женской души мира вполне сопрягается с идеей «вечной женственности», Ewig weibliche, тем более что у Соловьева дефиниции на этот счет не очень резкие. Дантовская и гетевская, фаустовская линия в этой теме очевидна. Стоит для начала напомнить его стихотворение 1898 г. «Das Ewig-Weibliche»:

Знай же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.

У него София и вечная женственность почти неразличимы, а эсхатологическую повесть об антихристе, которой он начал XX век, изображала явление врага рода человеческого и сопровождалось выходом на историческую арену великого мага, неких демоническо-магических сил, поддерживающих антихриста, и страх, что в вечную женственность могут вселиться черти, т. е. тоже антихристовы соратники.

Если все символисты считали Соловьева своим учителем, то Брюсов, как известно не любил Соловьева. О стихотворении Брюсова «Золотистые феи» Соловьев выразился весьма резко: «Несмотря на “ледяные аллеи в атласном саду”, сюжет этих стихов столько же ясен, сколько и предосудителен. Увлекаемый “полетом фантазий”, автор засматривал-

ся в дощатые купальни, где купались лица женского пола, которых он называет “феями” и “няядами”. Но можно ли пышными словами заглазить поступки гнусные? И вот к чему в *заключение* приводит символизм! Будем надеяться по крайней мере, что «ревнивые доски» оказались на высоте своего призвания. <...> Общего суждения о г. Валерии Брюсове нельзя произнести, не зная его возраста. Если ему не более 14 лет, то из него может выйти порядочный стихотворец, а может и ничего не выйти. Если же это человек взрослый, то, конечно, всякие литературные надежды неуместны»¹. Статья была опубликована в 1895 г. Брюсову был 21 год, то есть по тогдашним меркам вполне созревший взрослый человек.

Издвку над собой Брюсов простить не мог. Напомню слова Н. Валентинова, очень хорошего наблюдателя и аналитика символизма: «Он остро ненавидел Соловьева и все, что относится к нему»². И он первый, вопрекор софийным прозрениям Соловьева, сопоставлявшего «жену, облаченную в солнце, с мировой душой, рисует женщину в облике носительницы дьявольского начала (лучший его роман «Огненный ангел», 1908), которая ведет не в рай, как Беатриче, а на дьявольский шабаш, куда Фауста водил Мефистофель, а героя брюсовского романа повела женщина. За ним уже пошел Блок с Катькой в «Двенадцати» и Маяковский, изображавший свою возлюбленную Лилю Брик как дьяволицу, вышедшую «из пекловых глубин».

Соловьев во многом следовал за Гете в своих софийных прозрениях. Тема Гете оказалась важна в эпоху русского модерна. Брюсов даже сделал Фауста проходным персонажем своего знаменитого романа. В истории культуры существуют образы, вечные образы, по отношению к которым, так или иначе, строится все последующие духовные искания. Гёте задал тему *Ewig weibliche* как **проблему становления человеческого существования**, строя определенную вертикаль – от человека к Богу ввысь, но также и вертикаль, ведущую в подземные области дьявольщины. Магическая составляющая в духовных исканиях начала XX века была сильна. И Гете здесь переосмысливался весьма серьезно. Не говорю уж о том, что весь Фауст пронизан поисками магических сил, образами демоническими (достаточно вспомнить «Вальпургиеву ночь») / Но для него это нечто чуждое человеческой норме. Сошлюсь на недавнее исследование профессора Кемпера: «„Демоническое“ выступает у Гёте не в качестве понятия, участвующего в самоописании разума, а представляет собою некий шифр, обозначающий нечто, воспринимаемое *per definitionem* как непостижимое начало, противопоставленное рационалистическому дискурсу и ни разуму, ни рассудку не доступное»³.

А отнять у разума его силу, как писал Кант еще в 1786 г., значит, отрицать Бога, открыть двери подземным хтоническим чудищам, разнообразному человеческому злу: «Итак, если у разума, в том, что касается сверхчувственных предметов, например Бога и будущего мира, будет оспариваться право *первого* голоса, то тем самым будет открыта широкая дверь всякой мистике, суеверию и даже атеизму»⁴. Однако в начале XX века разум отступил перед магией. На историческую арену вышли массы, жившие еще в языческой парадигме, и не могли не заразить этим мирочувствием духовную элиту. Сошлюсь на мысль К. Ясперса: «Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс, свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания»⁵. Ясперс писал это уже умудренный опытом XX столетия, а вот современникам начала века, в том числе попавшим в эпицентр штейнерианства, оккультизма в магизме виделся очень даже позитивный момент. Знаменитый Эллис, вроде бы даже поклонник Гете, писал: «Исторически, логически и психологически неизбежно было человечеству параллельно с утратой религии снова вернуться к магии и теософии, т. е. «древней мудрости», к старым ее суррогатам, – параллельно с утратой христианской религии вернуться к старым богам, <...> магическому натурализму и старым формам смешения древней языческой магии и теософии»⁶.

В эпоху, когда после Соловьева в русской литературе говорили о Вечной женственности, о «Жене, облеченной в солнце», о «прекрасной даме», переживая свое, русское Возрождение, Брюсов пишет роман «Огненный ангел», где многозначительно называет героиню Ренатой. Брюсов поэт русского Возрождения, но парафразом к нему описывает в романе немецкое Возрождение и Реформацию, ибо существуют архетипические черты, о них Брюсов сообщает в самом начале романа: «Как это ни кажется нам странным, но именно в эпоху Возрождения началось усиленное развитие магических учений, длившееся весь XVI и XVII в.. Неопределённые колдования и гадания Средних веков были в XVI в. переработаны в стройную дисциплину наук, которых учёные насчитывали свыше двадцати (см., напр., сочинение Агриппы: «De speciebus magiaе»). Дух века, стремившийся всё рационализировать, сумел и магию сделать определённой рациональной доктриной, внёс осмысленность и логику в гадания, научно обосновал полёты на шабаш и т. д. Веря в реальность магических явлений, автор «Повести» только следовал лучшим умам своего времени. Так, Жан Бодэн, знаменитый автор трактата «De republica», которого Бокль признавал одним из замечательнейших историков, в то же время автор книги «La DXmonomanie des sorciers», подробно исследующей договоры с Дьяволом и полёты на шабаш; Амбруаз Парэ, преобразователь хирургии, описал природу демонов и виды одержания; Кеплер защищал свою мать от обвинения в ведовстве, не возражая против самого обвинения; племянник знаменитого Пико, Джованни-Франческо делла Мирандола, написал диалог «Ведьма», с целью убедить образованных, неверующих людей в существование ведьм; по его словам, скорее можно сомневаться в существовании Америки, и т. д. Папы издавали специальные буллы против ведьм». Действие романа, его хронотоп, – Германия (если точно, то Кёльн) XVI в. Рассказ ведётся от лица некоего Рупрехта, рожденного в «Трирском курфюршестве», сына медика, не последнего человека в своей корпорации, учившегося в Кёльнском университете (где потом развивается основное действие романа), прекрасно образованного, но одновременно, что характерно и искателя приключений. Но Германия эпохи Лютера и доктора Фауста была описана столь тщательно, что немцы не верили долго, что автор романа – русский. И это существенно, что место действия русского романа – средневековая Германия, с которой в ту эпоху чувствовали почти мистическую связь. В России продавались новые переводы Якоба Бёме и Майстера Экхарда, о них писали серьезные русские мыслители. И мистика, магия стали центральной смысловой темой этого романа о трагической любви, где магия определяет и тип любви. Любовь дана через магию. Белый иронизировал, что, изображая Германию, Кёльн, Брюсов, в сущности, изобразил купеческую Москву, Арбат и Пречистенку. Да и прототипы были русские люди. Прототипом Ренаты была покончившая с собой в Париже после революции Нина Петровская, жена С. Соколова, владельца издательства «Гриф», вызвавшая к жизни не только роман Брюсова, но и одно из лучших стихотворений Ходасевича и его же очерк «Конец Ренаты». Очерк как бы подводил черту под русским Возрождением, наступало «Новое средневековье» (Н. Бердяев). Даже ее реальная фамилия могла быть значимой для завершителей Петровского периода русской культуры. В истории существует рифмовка эпох, ее-то и угадал Брюсов. Неслучайно в своем «Докторе Фаустусе», подводя итог новому средневековью, Томас Манн начинает роман с вдруг почувствовавшихся в немецком воздухе видений средневековой эпохи, возродившейся в гитлеровское время.

Стоит вспомнить стихотворение Брюсова 1911 г., посвященного Нине Петровской:

Кто магию сумрачной власти
В ее приближение влил?
Кто ядом мучительной страсти
Объятья ее напоил?

Как видим, здесь не «Жена, облеченная в солнце», не блоковская «прекрасная дама», с намеком на причастность к «голубому цветку Новалиса, нет, у Брюсова носительницей злой магии становится женщина, возлюбленная поэта. Такой и изображена Рената в романе «Огненный ангел». Двойственность его отношения к прототипу вполне сказалась в образе героини романа. Но это не единственный пример его неопределенности в вопросах морали. Вообще Брюсов свою двойственность проявляет во многих своих текстах. Как пишет современный исследователь об «Огненном ангеле»: «Крайне важно, что, утверждая в романе истинность дьявольского пути, Брюсов одновременно не отрицает и объективности истины божественной. Словно бы насмехаясь над читателем, автор так и не дает прямого ответа на вопрос, кто выше – Бог или дьявол? А в финальных строках романа, осудив устами Рупрехта безумство демонических опытов, мэтр отнюдь не отрицает возможности их повторения»⁷.

В этом есть большой резон, если вспомнить вполне хрестоматийные строки поэта:

Хочу, чтоб всюду плавала

Свободная ладья,

И Господа и Дьявола

Хочу прославить я.

Он старался выглядеть причастным тайнознанию и высшим смыслам бытия, которые для него крылись в демонизме. Отношение к нему современников было скорее негативным. Хотя сохранился экземпляр первого издания «Огненного ангела», весь в пометках Цветаевой, которой была близка немецкая тема, Брюсова как поэта и человека она просто ненавидела, что ясно из ее очерка «Герой труда». Борис Зайцев вспоминал о нем: «Нелюбовь окружала его стеной; любить его действительно было не за что. Горестная фигура волевого, выдающегося литератора, но больше «делателя», устроителя и кандидата в вожди. Его боялись, низкопоклонствовали и ненавидели. Льстецы сравнивали с Данте. Сам он мечтал, чтобы в истории всемирной литературы было о нем хоть две строки. Казаться магом, выступать в черном сюртуке со скрещенными на груди руками «под Люцифера» доставляло ему большое удовольствие»⁸. Брюсов строил свою родовую мифологию, возводя свое происхождение к знаменитому чернокнижнику петровской эпохи – Якову Брюсу, хотя был всего лишь сын купца, выбившегося из крепостных.

В 1903 г. Андрей Белый посвятил Брюсову стихотворение под названием «Маг».

У ног веков нестройный рокот,

катясь, бунтует в вечном сне.

И голос ваш – орлиный клекот –

растет в холодной вышине.

В венце огня над царством скуки,

над временем вознесены –

застывший маг, сложивший руки,

пророк безвременной весны.

При этом Брюсов был внешне далек от облика мага: «С Брюсовым я познакомился при посредстве Белого в 1907 г. Вместо "великолепного мужчины" увидел бородатого, скуластого человека, не имевшего ничего *distingue*¹, напоминавшего мне Ленина и Горького, – тип волжского человека, где на антропологию славянина наложили неизгладимую печать татары, чуваша, черемисы, калмыки, башкиры и т. д.»⁹. Но такое восприятие Брюсова вполне вписывалось во взгляд на мир самого Белого, о котором один из умнейших людей начала века – Давид Штейнберг – вспоминал: «Мировоззрение Белого носило магический характер. <...> Можно сказать, что антропософия для Белого была наукой о

¹ изысканного (фр.).

сверхъестественном, знанием не теоретического, а сверхъестественного – знанием непосредственным и живым. <...> Для него сливалось его собственное отношение к сверхъестественному и магическому с антропософским учением»¹⁰.

Что же так задело современного читателя в романе Брюсова? Женщина становится в начале XX в. более активной, социально и сексуально. И это пугает мужчин, которые начинают видеть в женщине нечто злое и антисоциальное¹¹, возвращаясь к средневековым представлениям о женщине, идущим от образа Евы, как «сосуде греха». Роман Брюсов вызывал разные реакции – от сексуального интереса к запретному плоду, почти порнографии до понимания дьявольской роли женщины. Валентинов пишет: «Кое-кто из знакомых москвичей видел в романе чистейшую порнографию и поэтому усердно его читал. Главное лицо в романе – несчастная Рената с запавшим в ее душу видением ангела Мадизеля. Он предстал пред нею в солнечном луче, в белоснежной одежде, лицо его блистало, глаза были голубые, как небо, а волосы словно из тонких золотистых нитей. Ее охватило безумное желание телесно сочетаться с ангелом, и в ее глазах он слился с образом молодого австрийского графа Генриха фон Оттергейма. <...> Граф Генрих дал обет остаться на всю жизнь девственником, Рената соблазнила его, и он бежал от нее с ужасом и отвращением»¹². О чем же роман?

Каковы его реальные прототипы, какое отношение он имеет к ситуации Серебряного века? Почти во всех изданиях романа приводится одна и та же безымянная аннотация: «Роману суждена долгая жизнь двумя вескими причинами (как минимум). Во-первых, отражением любовного треугольника из жизни: Андрей Белый («граф Генрих») – Нина Петровская («Рената») – и сам Брюсов. Во-вторых, его обессмертил Сергей Прокофьев своей оперой «Огненный ангел»». Треугольник действительно был, об этом писали все, наиболее развернуто Владислав Ходасевич. Он рассказал о Нине Петровской, что эта жена известного книгоиздателя была сначала любовницей Бальмонта, потом Белого, потом Брюсова и еще ряда поэтов (по намекам можно понять, что и самого Ходасевича). Это достаточно ясно из его стихотворения SANCTUS AMOR 1907 г., посвященного Нине Петровской:

И я пришел к тебе, любовь,
 Вслед за людьми приволочился,
 Сегодня старый посох вновь
 Пучком веселых лент покрылся.
 ...
 Тенистый парк, и липы цвет,
 И все – как в старых песнях пелось,
 И ты, шепча «люблю» в ответ,
 Как дева давних лет зарделась...
 ...
 И снова ровен стук сердец;
 Кивнув, исчез недолгий пламень,
 И понял я, что я – мертвец,
 А ты лишь мой надгробный камень.

Но поистине трагическая любовь, крепко связанная с ощущением магизма жизни и эпохи, случилась с Белым и Брюсовым. Позволю себе несколько выдержек из мемуаров Ходасевича: «О, если бы в те времена могли любить просто, во имя того, кого любишь, и во имя себя! Но надо было любить во имя какой-нибудь отвлеченности и на фоне ее. Нина обязана была в данном случае любить Андрея Белого во имя его мистического призвания, в которое верить заставляли себя и она, и он сам. И он должен был являться перед нею не иначе, как в блеске своего сияния – не говорю поддельного, но... символического.

Малую правду, свою человеческую, просто человеческую любовь, они рядили в одежды правды неизмеримо большей. На черном платье Нины Петровской явилась черная нить деревянных четок и большой черный крест. Такой крест носил и Андрей Белый...». Белый бросил Нину ради жены Блока. В отместку она сошлась с Брюсовым: «Брюсов в ту пору занимался оккультизмом, спиритизмом, черною магией, – не веруя, вероятно, во все это по существу, но веруя в самые занятия, как в жест, выражающий определенное душевное движение. Думаю, что и Нина относилась к этому точно так же. Вряд ли верила она, что ее магические опыты, под руководством Брюсова, в самом деле вернут ей любовь Белого. Но она переживала это как подлинный союз с дьяволом. Она хотела верить в свое ведовство. Она была истеричкой, и это, быть может, особенно привлекало Брюсова: из новейших научных источников (он всегда уважал науку) он ведь знал, что в “великий век ведовства” ведьмами почитались и сами себя почитали – истерички. Если ведьмы XVI столетия “в свете науки” оказались истеричками, то в XX веке Брюсову стоило попытаться превратить истеричку в ведьму». И, наконец, столь романная коллизия завершилась художественным произведением, романом, ставшим классикой отечественной литературы: «То, что для Нины стало средоточием жизни, было для Брюсова очередной серией “мигов”. Когда все вытекающие из данного положения эмоции были извлечены, его потянуло к перу. В романе “Огненный ангел”, с известной условностью, он изобразил всю историю, под именем графа Генриха представив Андрея Белого, под именем Ренаты – Нину Петровскую, а под именем Рупрехта – самого себя»¹³.

И все-таки, если бы достоинство этого романа определялось лишь изображением любовной коллизии, даже случившейся в эпоху Серебряного века, вряд ли роман представлял бы сегодня интерес как роман. Гораздо любопытнее и занимательнее были бы мемуары и сплетни на эту тему. Спустя несколько десятилетий, Степун с иронией писал об «эстетически-демоническом иллюзионизме Валерия Брюсова»¹⁴. А между тем проблема магизма была слишком серьезна для художников и мыслителей Серебряного века. Брюсов был не из последних, его влияние на современников эту сторону было немалым: При этом, как заметили Ходасевич и Н. Валентинов, маска мага была для Брюсова именно маской, игрой¹⁵, ибо по воспитанию и культуре он был совсем иной. И это он выделяет в своих мемуарах: От сказок, от всякой «чертовщины» меня усердно оберегали. Зато об идеях Дарвина и о принципах материализма я узнал раньше, чем научился умножению. Нечего и говорить, что о религии в нашем доме и помину не было: вера в Бога мне казалась таким же предрассудком, как и вера в домовых и русалок»¹⁶.

Любопытно, что это неверие Брюсова многие отмечали, правда, неверие в высшую силу: «Брюсов был лишен прямого религиозного чувства, подобно тому как есть люди, совершенно лишенные прямого музыкального чувства»¹⁷. Но тем интереснее, что именно он, один из крупнейших интеллектуалов Серебряного века, мэтр и лидер символизма, при этом рационалист, представлял из себя мага и изобразил буйство магических сил. Строго говоря, Брюсов в своем романе нарисовал один из вариантов вхождения в магический мир, но кто открывает туда врата? Ответ однозначен: женщина.

Серебряный век вдруг стал прозревать в женщине существо, связанное с подземными стихиями. Вяч. Иванов в статье «О достоинстве женщины», названной так в духе новых вроде бы идей равноправия, тем не менее, говорит о темных мистериальных силах женщины: «Именно вследствие большего богатства своих психических сил, женщина казалась древности и представляется мужской впечатлительности донныне существом таинственным и неисследимым до его последних глубин. Существует как бы согласие всех мужчин – *consensus omnium virorum* – в этом восприятии женщины как бессознательной хранительницы какой-то сверхличной, природной тайны. <...> Сохраняя постоянный доступ через тайну своего пола в сферу жизни подсознательной, женщина едва ли не всеми признается преимущественно одаренною теми способностями, которые коренятся в

подсознательном и оскудевают по мере роста индивидуального самосознания, – силами инстинкта и ясновидения»¹⁸.

В четвертой главе романа, недвусмысленно названной «Как мы жили в Кёльне, что потребовала от меня Рената и что я видел на шабаше» рассказчик, а через него автор, показывает женщину как носительницу демонических стихий. Начинает она со словесного обольщения, взывая к чувствам, которые испытывает к ней герой. Рената уговаривает героя отправиться на шабаш к Дьяволу: «Рупрехт! Что значит спасение души, если ты меня любишь? Не должна ли любовь быть выше всего, и не должно ли приносить ей в жертву всё, даже Райское блаженство? Сделай, что я хочу, для меня». А далее выясняется, что все ведьмовские приемы ей весьма хорошо знакомы: «С самого утра Рената стала готовить меня к принятому мною на себя делу и постепенно, словно случайно упоминая то об одном, то о другом, знакомить меня с чёрной сущностью всего, что я должен был исполнить и о чём я знал лишь весьма неопределённо. Не без смущения узнал я в подробностях, какие богохульные слова должен буду я произнести, какие богопротивные проступки совершить и что за видения вообще ожидают меня на том празднестве».

Итак, магическая сила, которой владеет женщина, ведет героя на шабаш к Дьяволу. Что из этого следует? Очень простой, но чрезвычайно существенный вывод. Женщина, воспринимавшаяся в средневековой Европе, а с XIX века и в России, как носительница света, преодолевавшая тьму своей близостью к Деве Марии, духоводительница мужчины к свету (как Беатриче, как Гретхен), как «жена, облеченная в солнце» и т. д. оказывается носительницей тьмы. Отсюда ясно, что тот оберег человечества от зла, несмотря на некие вкрапления разнообразных леди Макбет (и то злодеек из-за любви), исчез или исчезает. Жесткость русских революционеров, нацистских надзирательниц в Германии говорила о резко изменившемся составе женской психеи, поскольку изменился состав мира. И теперь уже, спасая своего возлюбленного, женщина обращается не к Богу, а к Сатане (Маргарита в романе Булгакова). Причем этот откат от рации, от разума, как завоевания европейской культуры происходил почти повсеместно. В Австрии Гофмансталь в 1894 г. пишет стихотворение «Терцины» и «открывает, – по словам отечественного исследователя, – тему магического преображения жизни»¹⁹, а сорок лет спустя, в докладе 1930 г. «Немецкая речь. Призыв к разуму» Томас Манн, фиксируя «отказ (Abkehr) от веры в разум», провал в почти доисторическое прошлое, писал: «Если подумать, чего стоило человечеству <...> подняться от культа природы, от варварски рафинированной гностики и сексуально окрашенных излишеств в служении Молоху-Ваалу-Астарте до более духовного поклонения, то удивляешься легкости, с которой сегодня <...> приветствую зыбкий, почти эфемерный, а по существу лишенный всякого смысла отказ от гуманизма»²⁰.

В силу целого ряда как личных обстоятельств (нелюбовь к Вл. Соловьеву, прокламировавшему идею «вечной женственности», своему мрачному сексуальному опыту, ибо его возлюбленные уходили в тьму, кончая с собой), так и остроте социально-культурного зрения, научной трезвости ума Брюсов угадал явление в мир XX века магических сил, которые способны управлять восставшими массами, еще жившими в язычески-магическом прошлом, не прошедшими выучку христианского гуманизма. Но беда в том, что этот поэт и мыслитель, будучи человеком строго научной выделки, вполне рационально мыслящим, как бы провоцировал свою эпоху, давая ей как бы ключи к магическим силам, во всяком случае показывая, что магия – это сила. А, как известно, для преодоления норм достаточно одного, который показал бы эту возможность. В европейском масштабе таким был Ницше, в России таким стал Брюсов.

Если нужны частные примеры, то их много. Например, сопровождаемый всю жизнь вышедшей из «пекловых глубин» Лилей Брик, Маяковский связался адскими силами, нашедшими себе приют под кожанками ЧК, и был затащен на ставрогинскую глубину, в самоубийство. Но видно это было уже в эпоху Серебряного века. Маргарита Волоши-

на вспоминала: «В доме, некогда принадлежавшем славянофилу Хомякову и сохранившем обстановку начала XIX века, вернувшаяся из эмиграции супружеская чета собирала футуристических поэтов и художников. Там я познакомилась со многими из них, в том числе с Владимиром Маяковским. <...> Никаких условностей и абстракций у всех этих поэтов не было. Здесь кипела битва против идеалов прошлого, принятых нами от античности; эти люди воспринимали их как ложь. Дерзость “сбросившего оковы” пролетария меня не пугала, это можно было считать чем-то вроде детской болезни. Тревожило другое: *создавалось ощущение, что этим душевным богатством демоны ведут свою игру. Личность поэта не имела четких очертаний, но из его стихов в жизнь врывалось что-то из первобытных глубин, что могло принести с собой нечто неожиданное и роковое.* Известно, что для самого Маяковского это стало роковым, потому что он и покончил с собой»²¹.

Беда в том, что, выразив в своем творчестве эту повсеместную жажду магии, Брюсов не нашел, да и не искал ей противодействия. Хотя, впрочем, не нашли и искавшие.

Примечания

¹ Соловьев В. С. Русские символисты // Соловьев В. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 7. СПб. : Товарищество «Просвещение», б. г. С. 161.

² Валентинов Н. Брюсов и Эллис // Валентинов Н (Н. Вольский). Два года с символистами. М. : Издательский дом XXI век ; Согласие, 2000. С. 234–235.

³ Кемпер Дирк. Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна. М. : Языки славянской культуры, 2009. С. 349.

⁴ Кант Иммануил. Что значит ориентироваться в мышлении? // Кант Иммануил. Трактаты. Рецензии. Письма / под ред. Л. А. Калиникова. Калининград : Изд-во РГУ им. И.Канта, 2009. С. 21.

⁵ Ясперс Карл. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. С. 34 (пер. М. И. Левиной).

⁶ Эллис. *Vigilemus!* Трактат // Эллис. Неизданное и несобранное. Томск : Водолей, 2000. С. 246.

⁷ Слободнюк С. Л. «Дьяволы» «Серебряного» века (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.). СПб., 1998. С. 108.

⁸ Зайцев Б.К. Москва // Зайцев Б. К. Улица Святого Николая. Повести и рассказы. М. : Худож. лит., 1989. С. 301.

⁹ Валентинов Н. Брюсов и Эллис // Валентинов Н (Н. Вольский). Два года с символистами. М. : Издательский дом XXI век ; Согласие, 2000. С. 227.

¹⁰ Штейнберг А. З. Литературный архипелаг. М. : НЛЮ, 2009. С. 123.

¹¹ Очень популярна была в России книга Отто Вейнингера «Пол и характер», где женщина являлась носителем чисто природного, внеразумного начала. Влияемый Бердяев так интерпретировал это понимание женщины: «Женщина – носительница половой стихии в этом мире. У мужчины пол более дифференцирован и специализирован, у женщины же он разлит по всей плоти организма, по всему полю души. У мужчины половое влечение требует более безотлагательного удовлетворения, чем у женщины, но у него большая независимость от пола, чем у женщины, он менее половое существо. У мужчины есть огромная половая зависимость от женщины, есть слабость к полу женскому, слабость коренная, быть может, источник всех его слабостей. И унижительна для человека эта слабость мужчины к женщине. Но сам по себе мужчина менее сексуален, чем женщина. У женщины нет ничего не сексуального, она сексуальна в своей силе и в своей слабости, сексуальна даже в слабости сексуального стремления. Женщина является космической, мировой носителем сексуальной стихии, стихийного в поле. Природная родовая стихия пола есть стихия женственная. Власть рода над человеком через женщину осуществ-

вляется» (Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1990. С. 407–408).

¹² Валентинов Н. Дух, летающий по Москве // Указ. соч. С. 81–82.

¹³ Ходасевич В. Ф. Конец Ренаты // Ходасевич В. Ф. Перед зеркалом. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 140–142.

¹⁴ Степун Ф. А. Пореволюционное сознание и задачи эмигрантской литературы // Степун Ф. А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / вступ. статья, составление и комментарии В. К. Кантора. М. : Астрель, 2009. С. 637.

¹⁵ «Других символистов тянуло к мистике, - Брюсов для знания, забавы или из любопытства мог заниматься "окультными науками", Кабалой. Черной мессой – но от мистики был бесконечно далек» (Валентинов Н. Два года с символистами. М. : Издательский дом XXI век ; Согласие, 2000. С. 231).

¹⁶ Брюсов В. Я. Автобиография // Брюсов В. Я. Из моей жизни. М. : Терра-Terra, 1994. С. 66.

¹⁷ Ильин Владимир. Валерий Брюсов. Великий мастер русского Возрождения // Ильин Владимир. Эссе о русской культуре. СПб. : Акрополь, 1997. С. 249.

¹⁸ Иванов Вяч. О достоинстве женщины // Иванов Вяч. По звездам. Статьи и афоризмы. М. : Мусaget, 1909. С. 382–383.

¹⁹ Жеребин А. И. Абсолютная реальность. «Молодая Вена» и русская литература. М. : Языки славянской культуры, 2009. С. 30.

²⁰ Mann Thomas. Deutsche Ansprache. Ein Appell an das Vernunft // Mann Thomas. Sorge um Deutschland. Sechs Essays. Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag, 1957. S. 52.

²¹ Волошина Маргарита (М. В. Сабашникова). Зеленая Змея. История одной жизни. М. : ЭНИГМА, 1993. С. 262 (курсив мой. – В .К.).

УДК 314.144

Александр Николаевич Коваленко

Уральский государственный университет физической культуры

Айна Викторовна Бабушкина

Управление здравоохранения г. Магнитогорска

**АНАЛИЗ ДАННЫХ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЗДОРОВЬЯ И ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
ПО ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Статья посвящена обоснованию математического метода социологического прогнозирования, связанного с здравоохранением. Авторы демонстрируют высокую точность предлагаемого метода.

Ключевые слова: математическое прогнозирование, здравоохранение, уровень заболеваемости.

В 1996 году методами математической теории временных рядов и полного статистического пакета SPSS 10.0, а также с помощью компьютерной программы был сделан прогноз некоторых показателей заболеваемости населения по Челябинской области (г. Магнитогорск и г. Златоуст).